
*«И мы находились
в составе жизни
где-то рядом со смертью,
с огнём и с временем...»*

Г. Айги

взбираясь
по отвесному стволу
дерева, растущего корнями вверх,

несу — не расплескать бы —
густой настой из перепревших листьев
к Божьему накрытому столу.

Он спросит у меня состав земли,
как спрашивают урок,
и я начну рассказывать такое,
о чём сама не знала, и откуда
взялось вдруг?

—

знаешь, сегодня я ходила
по замковой горе,
там есть почти отвесный склон,
где осыпается земля,

и я нашла старинный кафель,
скол кувшина с глазурью бурой,
и обод чашки из тёмной глины,
и гладкий камушек зеленоватый,

ещё была большая кость,
как будто человечья,
легка, почти что невесома
среди других предметов:

цветных осколков,
пластиковых крышек,
тряпиц и прочего, всего не описать.

так вот, состав земли не важен.

на склоне одуванчики в цвету,
ещё какие-то
голубовато-серебристые цветы
и самая обычная трава,

которая везде одна и та же.

будет сок по тутому стволу
в глубине восходить и питать
пока мне в человечьем углу
бессловесную песню качать

на колышущихся губах
как в намоленной колыбели
или в буквенных чёрных гробах
дорогие пеленки отбеливать

новорожденную темноту
весь обвал, все смятение речи
кровяную конфетку во рту
весь обоз человечесий
немотой, наготовою залечивать

под сердечный прерывистый стук
только белыми пальцами рук
только тихими танцами губ
это гулкое горе зашептывать

в тёмный зрачок полёвки,
в жёлтый совиный глаз,
в медное око рыси,
словно в дверной глазок:

лиственный лес в огне,
иглистый скрипит лес,
поле в туманах и росах,
темень, болото, лог.

человек ли здесь
или косматый бес
из-за дерев глядит —

из травы его голос,
из дёрна и мха,
из лона земного рык.

упадёт в траву,
на листовяной ковёр,
в осеннюю влагу и прель

огромный усталый лев
с детским твоим лицом.

радость моя, и больше —
мера, ярмо тугое,
в розовый жаркий рот,
в белый слепой живот

всё мое молоко
до капли перетечёт.

станем рекой и раной,
тёплым единым телом,
ночью, в проулках волглых —
тихим апрельским сном.

только Отец единый твой,
тебя на вечность зачавший,
тебя до рожденья крестивший,
меня на тебе распявший,
знает имя твоё,

в левом кармане носит,
вынимает — любит, —
держит в своих ладонях
красный каштан сердца,
мне его не отдаёт,
имени не говорит.

так шишка пахнет — тсс! — едва-едва
так шишка пахнет

не сказанное вслух огромно

так лес встает, так лес один стоит
так руки поднесёшь к лицу — смола и хвоя

не сказанное вслух огромно

и — вглубь отсутствия — как свет сквозь иглы
сквозь их непримиримое
часы и частокол

сквозь пустоту, и нет роднее —
сквозь колыбель, где ветер
качает паутину как простынку

так свет сквозь время говорит

ещё любовь, твой волглый мох и прель
и вдруг в апреле грянет первоцветом
на ней растёшь, она тебя удобрит
она тебя взрастит и заберёт

так шишка пахнет...

не сказанное вслух огромно